

18+

Ирина Владимирова

Некоторые подробности пикантны

Ирина Владимирова

Некоторые подробности пикантны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67567805

SelfPub; 2022

Аннотация

Устинья – возрастная москвичка, потерявшая работу. Гражданский муж сбежал. Неожиданно она получает наследство: дом в курортном городе Калининградской области, и оказывается втянутой в слегка криминальные события, связанные с её домом. В результате она знакомится с отставным военным Ивановым, между ними складываются романтические отношения, но Иванова призывают, и он срочно уезжает в неизвестном направлении. Устинья переживает и случайно находит клад.

Содержание

Глава 1. 2017. Калининградская область	5
Глава 2. 1925. В Тибет	32
Глава 3. Наше время. Калининград	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ирина Владимировна

Некоторые

подробности пикантны

Город, в котором произошли события, является фантазией автора. Поэтому не ищите этот населенный пункт на карте, даже, если вам показалось, что вы-то узнали местность. Персонажи также вымышлены, и любые совпадения с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайны.

Глава 1. 2017.

Калининградская область

– Да врут они всё! – Пассажирка так энергично трясла глянцевым журналом, что чуть не попала в ухо Устинье. – Во! Вырядилась, накрасила морду и думает, что никто её не узнает, и можно людям головы дурить? – И она тыкала пальцем в глянцевое фото.

Там была изображена особа женского пола. Да, именно так Устинья определила женщину на фото. Брови чёрные – татуаж. Губя ярко-красные – татуаж + силикон. В глубоком декольте настолько большой кулон, что сразу думалось о фальшивке. Особа нахально и вызывающе улыбалась.

По неволе Устинья прислушалась к разговору.

– Таня, ты чего так разошлась? – Это спутница громко-голосой пассажирки. Они сидели друг против друга. Хозяйственные сумки на полу. Из одной пушился хвост зелени, другая была наглухо застёгнута. Модные ручные сумочки на свободном сидении рядом.

– Во всё виновата Кузина! Ко всем приставала, твердила: пойдём да пойдём к ясновидящей, поправим материальное положение. Я с ней с дуру-то и пошла.

– Тебе-то что финансово поправлять? – Помолчала. – Вот ты какая, с Кузиной пошли втихаря, а меня не взяли. Мне-

то, может, больше вашего надо. Дочку на хорошую работу пристроить бы. Да и мужа определить получше куда-нибудь.

– Это тебе повезло, Клавдия, что с нами не ходила, – она обратилась к собеседнице, назвав ту по имени с ударением на «и». – Жульё там одно. Нельзя верить этим женским журналам. Введут в искушение. А сами в сторонке.

– А что было-то?

– Пришли туда, в салон «Магические услуги от потомственных колдуний». Кузина записалась на материальное благополучие, а я, чтобы замуж выйти ещё раз. И чтобы муж был богатый. Мне кое-кто не нужен.

После этих слов, Устинья повернулась к окну и незаметно в отражении стала разглядывать беседующих. Обе женщины пышных форм. Крой и оттенки одежды фигуры улучшали.

Рассказчица, Таня, в деловом костюме. Из пиджачного кармана высовывается платочек, свернутый таким острым уголком, что им можно свободно резать багет.

Её собеседница, Клавдия, в брюках, свитере и жилете. Карманов на жилете нет, но есть несколько янтарных брошей разных размеров и конфигураций. Общее – цвет янтаря.

«Кажется, это королевский янтарь,»– решила про себя Устинья. Взяла на заметку тон камня и конфигурацию брошей. За одежду Устинья поставила им 5+. А вот прически подвели. Наверно, здешние жительницы считают их модными, а местные парикмахеры по-другому не умеют.

Электричка мерно покачивалась, а Татьяна рассказывала,

как пошли они в приёмную чародейки, которая располагалась практически в центре.

Посещение волшебного салона выглядело так.

Старый дом, постройки конца позапрошлого века. Красивые арочные окна. Архитектурные излишества на фасаде. Двор блистал разномастными иномарками и очередью, выходящей из подъезда во двор.

– Здесь! – Заявила Кузина. Они встали в очередь.

А в очереди, как обычно, обмениваются мнениями, проблемами, а кое-кто и телефонными номерами.

– Давно ждёте? – Спросила Татьяна даму, за которой оказалась в очереди.

– Не очень. Меньше часа.

– Что так долго?

– Здесь всегда так. Вы впервые? Не переживайте. Они пока всех не примут, офис не закроют.

Дама повернулась к вновь прибывшим, холодными искрами прозвучали серьги.

– Сложная ситуация, раз сюда пришли?

– Да вот. Решили материальное положение поправить и женихов найти. Самим не получилось.

– Вредит кто-то! Много кругом завистников. Возможно, в ближнем кругу. Вот всё и выясните сегодня. И обязательно пакость какую-нибудь им сделайте. В ответку.

– А вы тоже замуж собрались?

– Нет! Муж мой, козёл, загулял. И никак не остановится.

Как назначили руководителем, так с катушек и поехал. Нашел средства и завёл себе секретаршу. Ладно хоть бы работать умела или хотела. Так нет. Ногти акриловые аж пять см. Ресницы приклеенные. Губы варениками висят. В документах на странице по 25 грамматических ошибок. А он как-то меня просит напечатать кое-что. Спрашиваю, что случилось, почему Ольга Ивановна не напечатает? Говорит, ой, она уволилась. Я-то и не знала. Позвонила Ольге и всё узнала. Он, оказывается, чтобы секретаршу взять уволил кадровичку и администратора. Подумайте только! Их зарплату объединил и своей пассии платит. Нет, говорю, сам разбирайся. Так и нестрашно было, когда из чужого кармана брал, я фирму имею ввиду. А сейчас стал слишком нашими общими деньгами сорить. Остановить хочу, пока, не спустил. Пусть его обезвредят! Порчу что ли наведут. Или понос, к примеру. Представляете, только козёл на новую юбку посмотрит, как сразу живот крутит и в сортир бежать надо?

Дамы захихикали.

Неожиданно разгорелся скандал. Присутствующие кричали и выталкивали в направлении улицы шуструю девицу с многочисленными бумажными пакетами, из которых пахло едой.

– Куда без очереди?

– Держите её! Она без очереди пролезть хочет!

Очередь взволновалась, некоторые замахивались в сторону нарушительницы спокойствия сумочками.

Девушка визжала:

– Да пропустите меня! Я у гадалки секретарём работаю. Я за обедом ходила. Еду в офис принесла. Пустите!

На визги и крики в очереди из гадалкиного подъезда выглянула ещё одна девушка и проорала:

– Пустите Светку! Она нам обед принесла.

Светка с пакетами кое-как протиснулась. Дверь захлопнулась.

Наконец, Татьяна и Кузина свернули за угол, вошли в обшарпанную подъездную дверь. Поднявшись по узкой, но чистой лестнице на второй этаж, они попали в помещение в стиле хай-тек, с модными кислотными пятнами и полосами на стенах и внутренних дверях, с администраторшей за стойкой в центре. В помещении располагались другие посетители. Женщины, мужчины, разного возраста, но в основном очень богато одетые. У женщин в ушах и на пальцах посверкивали бриллианты. Мужские костюмы радовали ровными строчками и качеством тканей. При этом, каждый из присутствующих не хотел быть узнанным.

– Я ещё подумала какое, однако, популярное местечко!

Магические услуги стоили не дешево.

Казалось, время здесь застыло. Посетители терпеливо ждали, когда женщина за стойкой подаст нужный знак. Видимо, в этом месте торопиться не принято. Очередь на материальное благополучие двигалась быстрее. Вопросы замужества, видимо, требовали большего внимания. Она прождала

около часа. Наконец, и ей подали знак войти. Кабинет 13. Госпожа Венеция, так обозначено на двери. Это оказалась та самая мадам, которая на фото.

Женщина среднего возраста, полная. Южанка. Или цыганка. В платье темно-бордового цвета, под бархат. Чуть залоснившееся на локтях. В ушах большие серьги белого металла, на шее блестящее ожерелье с фиолетовыми камушками, на обеих руках множество перстней и позвякивающих браслетов. Колдунья сидела за обычным письменным столом. На заляпанной свечным воском столешнице в майонезной банке прикорнул повядший букет фиалок.

– То ожерелье было единственной приличной вещью на ней. Уж поверь мне, я в этом немного смыслю.

Остальным украшениям пассажирка присвоила категорию дешевой бижутерии.

Глазки Венеции были чёрными, при этом разной величины. Выражение лица поэтому делалось несколько хитроватым. Взгляд чародейки пронзил вошедшую.

– В чем проблема?

– Я хочу выйти замуж.

Колдунья молчала, и Таня вынужденно продолжила.

– Муж нужен хороший.

– Хороший, по-вашему, это какой? Давайте конкретнее, – взяла «быка за рога» Венеция.

– Чтобы богатый был. Бизнес вёл. Не пил, много. Чтобы дети, если у него есть, жили отдельно. Материальных про-

блем чтобы у него не было. Вежливый. Не скандальный.

– Вы слишком большие требования выставили.

– Так я потому к вам в салон и пришла. И деньги заплатила. Обычного слесаря я и так подобрать могу. А мне нужно, чтобы хороший был.

Ясновидящая сначала долго разглядывала в огромную ладонь заявительницы. Потом раскладывала карты. И качала головой. Выражение её лица в эти моменты было неодобрительное.

– У вас венец безбрачия. Снимать надо.

– Какой такой венец! Я уж и замужем два раза побывала. Раз развелась. Раз овдовела. Что-то вы не те карты раскладываете.

– Раз один убежал, другой помер, вот венец безбрачия и есть!

– Не бывает так!

– Ну, если вы с этим не согласны, тогда нарисуйте ваше генеалогическое древо! Лист перед вами. Справа лица по мужской линии, слева по женской.

– Рисовать-то я не умею. Как я дерево изображу? Там ствол, ветки, листья.

– Это так называется. Вы только кружочки рисуете и между ними стрелки, то есть обозначаете связи. Например, кружок «мать», если есть дети, ведёте стрелку вниз, там рисуете кружок и обозначаете «дочь». Рядом с матерью. На одном уровне «отец». И от него также стрелку вниз. Понятно?

– Вроде.

Татьяна рисовала, сотрудница магических услуг перечеркивала и заставляла рисовать заново. Когда и с этим делом было покончено, Венеция вновь взяла лупу и прицелилась в рисунок.

– Надо обряд провести. Рано утром, молча, не умывшись, не расчесавшись, разрезать узел, всё сжечь в уединенном месте. Людей рядом быть не должно. Пепел высыпать на кладбище. Ни с кем не разговаривать, пока в общественное место не явитесь.

Ясновидящая обмотала плечи Татьяны тонким шпагатом, завязала его узлом, сняла с Татьяны.

– Вот узел. Ночью положить под подушку и спать на нём. Ни с кем не разговаривать. А утром сделать как я сказала. Идите!

Далее, посетительница колдовского салона Татьяна рассказала о трудностях, которые возникли с исполнением обряда. Как только она легла спать, зазвонил телефон. Одна из сотрудниц неожиданно приболела и решила отпроситься на завтра. Пришлось заново укладывать шпагат под подушку, а телефон, на всякий случай, отключить. Ранним утром она вскочила, кое-как разрезала узел, свалила ошмётки от шпагата в старую кастрюлю, взяла спички и выбежала на улицу. Да что это такое? Почему в пять утра по улице какие-то люди ходят? Она еле нашла укромное место между чьими-то гаражами, и там подожгла шпагат. Горел он неохотно. Как на-

зло, мимо гаражей периодически проходили, с подозрением на неё глядя, мужчины. Она высыпала пепел в пакет, бросила кастрюлю в помойку и понеслась на кладбище. По дороге у неё несколько раз пытались спросить как пройти к железнодорожной станции, к автобусной остановке и куда-то там ещё. Татьяна поняла, что исполнение обряда «висит на волоске». Она молча мотала головой, отмахиваясь от любопытствующих пакетом с пеплом. Прибежав на кладбище, она вытряхнула пепел и порысила на работу. Уже в своём кабинете, она увидела, что не только не умыта и не чесана, но и странно одета, не по-офисному, а для работы на грядке.

– И как помогло? – Спросила другая пассажирка. – Таня, я на тебя в обиде. Вот ты какая. Замуж вышла, а меня, подругу, даже на свадьбу не позвала.

– Да не получилось ничего. Был у меня знакомый мужчина. Антиквар. Кругом положительный. Он ко мне на выходные регулярно приезжал, из Калининграда. Мы с ним то чайку вместе пили, то к морю прогуляться выходили. Планировали ремонт в большой комнате сделать. Так, освежить кое-что. А хотела его поторопить, чтобы жениться предложил, а он всё никак, – она голос понизила, – а после обряда, через некоторое время вообще пропал. Ни дома его нет. Ни на работе. Никто ничего не знает. Пропал!

– Ой! Пропал!

– Я и к гадалке той, Венеции, сбегала, требования предъявила. И деньги назад потребовала. Жалобу написала. В

управу отнесла.

– И что?

– И ничего! Жалобу приняли. Салон закрыли. Деньги не вернули. А она, смотри-ка, опять выплыла. А называет себя не Венеция, а Пасадена. И советы печатает, – она раскрыла журнал. – Как устроить личную жизнь. Во как! Или вот, смотри! Как найди олигарха и выйти за него замуж! Жульё! – Она вновь трясла журналом.

«Как мы, женщины, похожи друг на друга. Хотим счастья, семью. Ходим по каким-то сомнительным заведениям, пытаюсь наколдовать себе благополучия,» – зафилософствовала под чужой разговор Устинья, вспомнив свою недавнюю жизнь в Москве.

Ведь она некоторое время назад, когда наступили тяжелые времена, подсела на услуги некой ясновидящей. Посещала салон магических услуг. Несколько раз приходила. Скоро поняла, что деньги быстро тают, а результатов нет. И тоже поскандалила. В итоге чтобы от неё отвязаться ясновидящая предсказала существенные изменения в жизни, смену жительства, в связи с чем бытие Устиньи должно заиграть новыми красками и впечатлениями. Так было обещано. Денег, конечно, не вернули. Но неожиданно последние предсказания гадалки начали частично сбываться.

Произошло событие, которое в полной мере можно отнести к существенным изменениям в жизни. Ушёл мужчина, с которым рассчитывала заключить брак. В один такой вечер

он просто собрал чемодан и весело сказал:

– Прощай! Я с тобой был несчастлив! Я понял, что мы не пара! – И посвистывая опереточную мелодию, энергично поскакал по лестнице. Даже не стал ждать, когда закроется входная дверь. Как раб, освободившийся от оков. Звук хлопнувшей двери и его шагов казались звуками землетрясения.

Они познакомились примерно год назад. На какой-то ту-совке. Приглашения на подобные мероприятия она получала от владельца бюро, в котором работала. Бюро в Москве считалось средненьким, хотя на каждом профессиональном торжестве они получали какой-нибудь приз или грамоту. Устинья же считалась одним из лучших аналитиков в сфере среднего бизнеса.

Программа мероприятий всегда одинаковая. Торжественная часть с раздачей дипломов, призов, цветов. Продолжение в банкетном зале с напитками и закусками. Гости формировались в небольшие кружки. Иногда перемещались из одной группы в другую. Обсуждали какие-то свои темы, никак не связанные с предпринимательством.

– Послушай, Устя, почему ты до сих пор прозябаешь в «Зигель и Ко»? – Спрашивала её подруга. – Одна из лучших специалистов в Москве, и что, тебе никто предложений не делал?

– Да кто сделает? Я же всё время на работе, в офисе. К нам клиенты непосредственно не обращаются. Их только начальник принимает. Или его личный помощник.

Устинья когда-то рассказывала подруге, что бюро консалтинговых и иных услуг, в котором она работала, на руинах одного бывшего секретного НИИ удачно создал Пётр Зигель. Пронырливый и услужливый сумел найти и привлечь заказчиков. Он не лез в крупные бизнес-игры, просто организовал стабильный доход для себя и сотрудников. А потом Петя понял, что можно и расслабиться. Большую часть времени он отсутствовал. Бюро продолжало функционировать как часы. Злые языки поговаривали, что он завёл приятельницу и посещает её во время работы, чтобы жена не узнала. Но всё тайное когда-нибудь становится явным. Супруга узнала. И одним весенним деньком Петя неожиданно появился на работе с синяком под глазом. Молча прошёл в кабинет и зашуршал отчётами. Через пару часов появилась жена, которая также молча прошла в петин кабинет. Дверь захлопнулась. Какое-то время из помещения слышался диалог. Слов разобрать было невозможно, но эмоции плескались. В обеденный перерыв сотрудники обсуждали ситуацию.

– Ну Петька даёт!

– Жена, наверно, устроит ему каверзу! Ишь, припёрлась!

– Ой, точно разведутся и имущество поделят. Что с бюро будет?

– Да всё наоборот.

– Что наоборот?

– Всё! Она назло разводится не будет. И ему развод не даст.

– Да... Попробуй с такой поспорить. Бой-баба. Затопчет.

К вечеру у Петьки появился ещё один синяк. Но супруги помирились. Жена больше в офисе не появлялась, а Петька в своих любовных похождениях стал шифроваться. Из всех обстоятельств коллектив понял, что Петьку слил кто-то из своих. Друг на друга стали коситься. На зимних каникулах любвеобильный начальник поехал в Куршавель, где случайно погиб при аварии на канатной дороге.

Хозяйкой бюро стала петькина вдова, дама решительная, но не такая оборотистая как Зигель. Новых клиентов она привлечь не умела, а, может, и не хотела, надеясь, что дело продолжит приносить хорошие доходы.

Кстати, вдова Зигель оказалась такой же развесёлой особой, как и её покойный муж. Как женщина богатая позволила себе для утех снять гостиницу. Конечно, не такую шикарную, как те, в которых она любила останавливаться в деловых поездках. Классом ниже. Главное, что в двух шагах от места работы. В случае необходимости она пешком за несколько минут могла дойти до бюро. Как современная бизнес-леди она сэкономила, где только можно. Снимала номер на три дня в неделю: со вторника по четверг.

Вечером вторника приходил двадцатипятилетний длинноногий студент философского факультета Анатолий, который после исполнения любовного долга разговаривал с ней об Аристотеле, Гомере или о Карле Марксе. Энгельса почему-то он не вспоминал. Вечером четверга появлялся миниа-

турный юный брюнет Константин. Тоже студент, но журналистского факультета, обожавший драматургию. Он мог бесконечно рассказывать о модных и новых театральных постановках. И даже несколько раз вытаскивал мадам Зигель в театры. Билеты в таких случаях Константин покупал сам. И они всегда сидели на галёрке. Это было весело. Рядом размещались завзятые театралы, студенты актёрских учебных заведений, поклонники каких-то там талантов, шуршащие и пахнущие цветочными букетами. Они всегда общались между собой. И Зигель ощущала себя причастной к искусству. В конце месяца она выдавала своим студентам некоторое вознаграждение. На карманные расходы, так она им говорила. Чтобы молодые люди не уселись ей на шею, она поясняла, что завалена работой, а ещё часто посещает политические клубы и общественные кружки, где встречается с высокопоставленными людьми, от которых зависит её бизнес. Возможно, и для них что-то со временем найдётся, обещала она. Анатолий и Константин, а они не предполагали существование друг друга, не возражали, не настаивали на каких-то своих идеях, находились в ожидании привлекательного будущего.

В среду она встречалась с яркой шатенкой возраста слегка за. О! Какая это штучка! С холодным лицом и строгой поведкой, настоящая снежная королева. Что соответствовало её профессии. Адвокат. И вряд ли кто-то предполагал, что таким обликом скрывалась натура разнузданная и неутомимая

в смысле секса. Большую часть дня они проводили вместе. Обеих женщин такое положение дел устраивало. Материально они обе независимы. Бизнесом не пересекались. Публичные мероприятия они вместе не посещали, так как их привлекала только физическая близость. Удивительно, но вдова Зигель повторно выходить замуж не собиралась. А адвокат Кусковская, имевшая за плечами три брака, искала для себя четвёртого мужа. О похождениях владелицы бюро никто не догадывался. Но со временем всё тайное становится явным.

За время близкого общения только один раз Кусковская обратилась с просьбой к Зигель. Пристроить куда-нибудь на работу одну дальнюю родственницу.

Так в бюро появилась новая сотрудница. Молодая нахراпистая девица с выдающимися ногтями и декольтированными офисными одеяниями. О себе она рассказывала, что обучается в финансовой академии. Факультет называла какой-то мудрёный. Всем желающим поясняла, что получив диплом намерена работать в приличном диппредставительстве. Закатив глазки, уточняла, что это будет не в России. Устинью назначили наставником как ныне модно. Рабочее место новенькой определили рядом. Объём работ неожиданно увеличился вдвое, на все претензии Устинье отвечали, ну вас же теперь две. Новенькая большую часть рабочего времени проводила в каких-то деловых разъездах. Где и зачем было известно только руководителю их небольшого отдела. На предложение Устиньи, не пора ли поработать, та отвеча-

ла, что ещё недостаточно ознакомлена с общей структурой компании, так девица называла бюро. Без этого никак не получается выбрать необходимые данные для отчетов.

По офису стали ползать слухи, похожие на дурные анекдоты. Работать стало некомфортно. Иногда Устинья подумывала о смене работы. Но куда уйти?

– В марте ты была на фестивале «Лучший профессионал». Там самые крупные предприятия. Самые влиятельные предприниматели. А ты-то куда смотришь? Другая давно подошла, представилась бы. А ты? Ну я поняла, если тебе семейка Зигель платила бы хорошо. Или любовный интерес, или дорогие подарки, или ещё что.

– Какие там подарки! Только приглашения на праздничные вечеринки. А там у меня возможности не было подойти к кому-нибудь из руководителей. Не знаю как это сделать.

– А ты найди возможность в следующий раз. Ты пойми, время идёт. Сейчас ты лучшая, а завтра кто-нибудь другой может появиться.

В тот день Устинья решила взять себя в руки и познакомиться с кем-нибудь из руководителей крупных компаний. Костюм от Шанель, стильная стрижка и макияж сбросили ей возраст. С бокалом она оказалась среди каких-то людей. Временами на неё поглядывали с интересом.

– Не поверишь, где они познакомились! В «Колибри», на Ленинском, – говорила дама в бежевом платье с отделкой перьями. – Вот уж не думала, что она ходит туда. В продук-

товый отдел.

– Какая, однако, случайность! Можно сказать, счастливый случай, – присоединился низенький мужчина в костюме в мелкую клетку и таким же галстуком. – Представляю как она выбирала там морковку или баклажаны.

– Да она там его подкараулила!

И они захохотали.

Устинья тихо перешла к другой группе.

– Вы обратились в полицию?

– Нам возвратили только дамскую сумочку, а кредитки и драгоценности нет.

– Впечатление, что они совсем безграмотные. На стене висел подлинный Миколетто, а они его не взяли.

– Некоторые мистики утверждают, что поделиться своим достоянием с другими это высшее благо.

– Разница. Добровольно поделиться или быть ограбленным!

– Слышали, что случилось в театре Либери позавчера? – Вопрос задала очередная дама в наряде стиля «дорохо-бохато», в люрексе и металлических побрякушках. При этом голос она понизила. Часть народу вокруг неё рассеялось, оставшиеся собрались с небольшой кружок. Фигуры представляли вопросительные знаки. Рты приоткрыты.

«Какой гротеск», – подумала Устинья и чуть было не расхохоталась, но удержалась и решила дослушать.

– А что такое?

– Во время спектакля с самого верхнего яруса кинули листовки! – трагическим шепотом вещала люрексовая.

– Ах! И что?

– Ничего! – Дама оглядела слушателей. – Никто и внимания не обратил. Мне соседка рассказала, а она в театре работает менеджером по клинингу. Так, говорит, бумажки и остались валяться на полу между креслами. Всё ногами затоптали. Еле-еле по выковыривали.

Публика стала расходиться.

– Смотри! Смотри!

Она тоже оглянулась. Появился новый персонаж. Худощавая дама в возрасте. В шелковом черном платье с завышенной талией. С большими серьгами и брошью. Под руку с молодым красавцем.

– Это она. Юлия Кусковская.

– А кто она?

– Разве не слышали? Самая известная адвокат в Москве. Раза три замужем была. И, говорят, всех мужей уморила. Между мужьями заводит молодых любовников. Смотри! Смотри! Одного рукой держит, а на другого уже и глаз положила. Во баба даёт!

– О, госпожа Кусковская, как приятно вас видеть. Отдыхаете или по вопросам бизнеса здесь?

– Отдыхаю! – голос у адвокатессы был низкий, взгляд непрерывно кого-то ищущий.

Устинья снова переместилась.

– Как вчера? Удачно?

– Да как сказать. Выиграл Кронштейн. До сих пор переживаю, как я не догадался на него поставить?

– Проруха на старуху! Бывает.

Кругом одно и то же. Кажется, здесь собрались посторонние люди, а руководители куда-то подевались. Тут и произошла встреча.

Как там оказался Эраст ей не известно.

Она никогда не обратила бы внимания на этого мужчину. Из-за его более молодого возраста. Но он во время вечеринки оказывал знаки внимания. Внешне привлекательный, настойчивый. И случились между ними романтические отношения. Имя у него очень экзотическое. Эраст. Сначала просто встречи раз в неделю. То театр. По выставки. Правда, представления, на которые он приносил билеты, были невысокого сорта, выставки тоже так себе. Сама Устинья на такое никогда не пошла бы. Но Эрасту отказать неудобно. Она втянулась в отношения. Потом, неожиданно он стал жить у неё в квартире со вторника по четверг, а развлечения, даже самые скромные, куда-то потихоньку из её жизни исчезли. Никаких особых вещей мужчина с собой не привёз, только самое необходимое, что вменялось в небольшую спортивного вида сумку. В четверг утром он убывал и объявлялся во вторник вечером. Он объяснял, что по выходным навещает родителей, которые живут во Владимирской области. В другие дни его как самого молодого сотрудника эксплуатируют коллеги

и владелец предприятия. Своим местом работы он называл достаточно известный крупный финансово-промышленный холдинг. Устинья как аналитик определяла поведение Эраста как мальчика на побегушках неправильным. Давала совета как это исправить.

Эраст поступал так, как считал нужным. Устинья ему полностью доверяла.

На самом деле его не привлекала женщина. Да и кто с такой свяжется? Богатств нет, должность – так себе, связей никаких. Но есть квартира. Расположенная во дворах Петровки. Старый дом. Когда-нибудь жильцов выселят, место уж очень привлекательно. Спокойное. Бывшая коммуналка. И живёт она в такой квартире одна. Имеются какие-то родственники, но последние живут в Подмоскovie, на даче, не мешают. И ещё один плюс – удобно добираться до работы. А возрастную даму можно потерпеть. Для себя Эраст определил Устинью в категорию женщин, которые ему должны.

На самом деле по выходным не ездил Эраст к родителям. Всё было гораздо проще. Конец недели он проводил с другой любовницей. Эмилия тоже возрастная женщина. Однако, она владела несколькими магазинами одежды. Периодически выезжала за границу. И намекала, что, возможно, в следующий раз они поедут вдвоём. Эраст очень дорожил этой связью. У Эмилии тоже была квартира, большая, целый этаж. Где-то в спальном районе. Там проживали её родители, дочь от последнего брака, домработница. Для ведения

бизнеса и личных дел она сняла на длительный срок хороший номер в неплохой гостинице. Там они и встречались. Для этой женщины Эраст преподнёс легенду о своём одиночестве, о своей утомлённости от работы. Начальник, настоящий солдафон, завидует и заставляет его разъезжать, как простого курьера, по разным филиалам фирмы. Иногда и в другие города. Ведь он имеет самую маловажную должность, и им все помыкают. Об Устинье он молчал по причине того, что знакомство было не случайным. На женщину ему конкретно указали. Некий работодатель заплатил деньги за то, чтобы он познакомился как можно ближе и постарался официально вселиться в квартиру. Зачем, для чего? Этому ему не объяснили. Вселиться в квартиру официально не получалось.

– Показ моды в Гамбурге. Поедем вдвоём, – неожиданно заявила Эмилия накануне.

Грандиозные планы и мечты толкались в его голове. И он в своих интересах решил прибиться к бизнесмену. Быстро собрав вещички он убежал из квартиры на Петровке и от женщины.

В день бегства Эраста, Устинья подошла к зеркалу, которое безжалостно отразило старую женщину. С какой-то мешковатой серой одежде. Без косметики. Небрежно прихваченный хвост, из которого вылезли несколько седых прядей.

«Это я?! Как и когда я превратилась в такое убожество?! Не в один же день, сегодня?» – Она пришла в ужас. Время

совместной жизни с Эрастом утекло как вода сквозь решето, оставил только морщины и потерянный взгляд. Утекла и большая часть её сбережений. Так была увлечена совместной жизнью, что и не заметила как встала на рельсы «работа-магазин-кухня-Эраст сказал- Эраст хотел».

«Что-то я совсем опустилась», – и решила сделать макияж. Сделала. Посмотрела в зеркало. Страшно. Просто маска, мёртвая маска.

О двойной жизни любовника Устинья не подозревала.

Около месяца она не могла прийти в себя. Вроде выполняла без замечаний свои должностные обязанности. Возвращалась домой. Одежду надевала чистую, по сезону. Адресов не путала. Голодной не сидела. Стирала и убирала. Смотрела телевизор. Но себя она не чувствовала. Как будто оглохла и ослепла. Поэтому и пропустила существенные изменения в офисе.

А ведь известно, что неприятности не приходят в одиночестве.

Следом была потеряна работа. Владелица бюро намекнула на возраст, рассказала о сложном экономическом положении среднего бизнеса в стране, вручила памятный подарок: записную книжку, ручку, календарь с логотипом, букет цветов и уволила. А ведь ещё полгода назад она была незаменима. Начальник отдела ласково с ней разговаривал, правда частенько просил помочь и переделать за кем-нибудь неправильный отчет.

– Ну кто кроме вас сможет всё выправить, да ещё к понеделнику, – ворковал начальник в пятницу в конце рабочего дня. Однако, когда поднялся вопрос об увольнении ничего не сказал в пользу Устиньи. Сотрудники отдела дружно сделали вид, что она будто здесь и не работала.

От нового расстройствa она даже повелась на уговоры одной из давних подруг и записалась на консультацию к известной ясновидящей. Весьма дорогой особе.

– Да ты что?! К ней даже миллиардеры ходят узнать куда выгодно инвестиции делать! – уговаривала Анна. Хочешь материальное положение исправить – иди обязательно!

– Я-то по глупости думала, что у них для этого целый штат работает. Оказывается, одной гадалки хватает, – сердилась Устинья, – денег у меня лишних нет!

– Ну, может, не сами олигархи, а жены их точно приходят. Да! Чтобы соперниц отвадить. Хочешь материальное положение исправить – иди обязательно!

– Я-то думала, что у гадалок разделение есть. Одна на любовь. Другая на финансы.

– На тебя не угодить! Все довольны, одна ты против! Всё, не спорь, я тебя записала.

– Я не могу в этот день. Я занята!

– Интересно чем? Не работаешь, сидишь дома. А там только по записи. Скажи спасибо, что хоть в этот день попадёшь.

Предсказания московской гадалки, странные и скандаль-

ные, продолжали сбываться. Случилось ещё одно знаковое событие, которое в полной мере можно отнести к существенным изменениям в жизни.

Пришло казенное письмо. От нотариуса.

Устинья оказалась единственной наследницей имущества в виде частного дома, земельного участка и банковского вклада после Юстина Домбровского. В курортном городе. В Калининградской области.

Ой! – сказала Устинья, когда выяснилось, что ей необходимо поехать в Калининград. – Здорово! Я там ни разу в жизни не была. Только мне кажется, что особо надеяться не на что.

Ой! – сказала мама. – Туда ехать меньше суток. И как удобно. Вечером отсюда. Днём – уже там. Отлично. В поезд и еды немного возмёшь.

Ой! – сказала тётка. – Там климат как в Европе. Теплее, чем у нас, в Москве. Отлично. Много вещей брать не надо, пока всё выясняешь.

Прилёт в Храброво совпал с похолоданием. Уже в аэропорту Устинье пришлось натянуть на себя почти все привезённые вещи.

«Зато тащить меньше», – подумалось ей. Правда, согнуться стало не очень удобно. И локтям некомфортно. Но разве могут такие пустяки напугать простую русскую женщину? Ни разу! Ветер странствий приветствовал её.

Она добралась до Южного вокзала в Калининграде. И да-

лее электричкой к приключениям.

«Как будто я здесь уже жила», – подумала Устинья, приехав в курортный город и вылезая из электропоезда на конечной остановке. Именно, вылезая. Вагон был высок, а платформа располагалась очень низко. Пришлось спускаться по отвесным ступеням, придерживаясь за поручни и, отключив попу для равновесия.

До сих пор у неё оставались претензии к гадалке. Но в другой стороны и жизненные изменения случились, и впечатления от пребывания в курортном городе действительно были. И если Устинья полагала, что будущее должно быть уютным и прекрасным, а оно получалось совсем другим, то это её лично проблемы, а уж никак не гадалки. Изменения обещала – вот тебе! Впечатления обещала – вот тебе ещё! Их даже можно называть яркими. Потому что Устинья принимала в событиях самое непосредственное участие. А именно: дралась!

И жила теперь на два дома.

Электричка тем временем продолжала движение, пассажирки продолжали беседу, Устинья смотрела в стекло и усмехалась, так как самая первая потасовка произошла на железной дороге. Около здания местного вокзала. В конце прошлого января.

Одним темным вечером Устинья стала невольной свидетельницей некого события.

Прибыл последний поезд. Пассажиров было мало. Все,

кроме одной женщины, быстро разошлись. А та замешкалась почему-то. И возле железнодорожных путей неустановленный мужчина ударил припозднившуюся пассажирку бейсбольной битой по голове. Женщина упала. Валяясь на земле, она не подавала признаков жизни. Сумочка и что-то там ещё выпали из её рук и попадали рядом. Неизвестно чем закончилось бы происшествие, но случайно именно в эту минуту мимо проходила Устинья. Ещё год назад, в Москве она сама свалилась бы в обморок. Но не здесь. Непонятно что вселилось в Устинью. Она издала боевой клич, громкий, решительный. Подхватила какую-то доску и, размахнувшись, сильно ударила преступника. Куда-то попала. Мужик заорал дурниной, развернулся к ней лицом, но сделать уже ничего не смог: к ним бежали люди. Он оттолкнул Устинью и быстро ретировался. Видимо, сильнейший удар палкой был не точен, и его смягчила зимняя шапка. Потерпевшей оказали первую помощь. Полицейские опросили Устинью, которая дала описание преступника, вернее того, что смогла разглядеть. Крупный нос с горбинкой и куртку, которую она порвала своей доской. Остальные граждане ничего особенного не заметили.

– А что вы делали здесь в такое время? – Поинтересовался один из полицейских и с подозрением посмотрел на Устинью.

– Гуляла. Перед сном. Врач посоветовал. Нервы у меня! – решительно произнесла она. А сама думала:

«Ну почему мне не везёт? Придётся другое полнолуние ловить».

Разве скажешь правду? Сегодня полнолуние. Именно в такой день предлагалось произвести обряд для улучшения своего финансового состояния. В полночь. Песок есть. Водоём, да ещё какой, есть. И полнолуние есть. Она и вышла тайком, заблаговременно. Надеюсь прийти на пляж до полуночи. Старалась, чтобы соседи не заметили. И вот те на! Не смогла пройти мимо, подралась с каким-то негодяем гопником!

Некоторое время Устинья боялась вечерами выходить из дома. Потом успокоилась. Благодаря произошедшему, она познакомилась с местным участковым, который навестил её на следующий день после происшествия. Записал показания. По расспрашивал. Пожурил женщину, за то, что она так поздно выходит на прогулки и порекомендовал прогуливаться в других местах. Посоветовал не пытаться обезвреживать преступников, а передать это дело в руки специально обученных людей. И радостный убежал, не предполагая, что нынешняя Устинья и покой понятия не совместимые.

Матери и тётке она об этом случае решила не рассказывать.

Преступника долго время искали, но не нашли.

Глава 2. 1925. В Тибет

Всё произошло не так, как виделось. И уже ничего нельзя сделать. На самом деле он не опоздал, явился к месту расположения лагеря британских исследователей вовремя, но английский обоз его не дождался. Наверно, было неправильным уйти из лагеря, но и возвращаться с пустыми руками Альберт Мюллер не мог себе позволить.

Отправляя его в экспедицию, полковник фон Дальберг намекнул, что от результатов его поисков будет зависеть не только благосостояние самого Мюллера, но и его карьера.

В последний раз они встретились вечером, в небольшом кафе в Данциге. Посетителей мало. В углу шипел граммофон. Непонятный голос, то ли мужской, то ли женский с дрожью выводил:

«Случилось, что как-то в единый час

Скончались два кровных брата.

Кто в жизни был беден – в раю сейчас,

В аду страдает богатый¹».

За компанию подрагивали оконные шторы и скатерти.

– Как до войны, – расчувствовался полковник. – Приятно, что остались настоящие немцы! Когда-то здесь подавали тушеную свинину с капустой. И Шпетбургундер, и Божоле.

¹ Немецкая народная баллада «Два брата». Перевод Л.Гинзбурга.

О, времена! Как всё изменилось!

Неизменным было только одно: кафе оставалось явкой для германских агентов. Но об этом факте полковник умалчивал. А старинная баллада, еле звучавшая, подавала сигнал о том, что всё в порядке.

Молодой инженер стеснялся своей старенькой одежды, ботинок, которые нуждались в починке. Совсем недавно закончилась мировая война. Найти работу сложно. Продукты питания в дефиците. Так случилось, что сегодня Мюллер ни разу не поел. И вот он в небольшом кафе, которое казалось ему шикарным. Вокруг запахи пищи. Очень есть хотелось.

– От переправки этих артефактов в Германию зависит слишком много. Вы понимаете?

– Но почему я? Альберт Мюллер, никому не известный инженер, без особых научных достижений, почему именно я должен это сделать?

– Всё просто! Вы друг детства Рудольфа фон Палленхаузена, не так ли?

– Да!

– Вот видите! Мы никогда не ошибаемся!

– Но фон Палленхаузен погиб в России. Разве это не так?

– Молодой маркграф фон Палленхаузен жив. Он находится в Тибете. И ему удалось добыть кое-что. Но вот незадача! – Полковник расхохотался. – Маркграф стал очень подозрителен. Некоторое время назад шифрованным письмом сообщил, что сможет достать кое-что (вам не обязательно

знать, что это!), если на помощь ему пришлют его друга детства. Мы вас нашли. Мы всегда находим тех, в ком заинтересованы! И умеем их заинтересовать предложенным. Вы должны выполнить эту миссию, исполнить свой долг!

В начале девятисотых Мюллер, как и многие молодые люди, рвался исполнить свой долг. Поколение оказалось во власти национал-патриотизма и воспитано на идее войны за единую Германскую империю. В числе трёхсот тысяч молодых мужчин инженер записался добровольцем, оставив неплохую работу на заводе. Военные марши исполнялись духовыми оркестрами. На вокзалах провожающие размахивали кружевными платочками вслед уходящим эшелонам. Барышни скопом записывались на работу в госпитали. Все были уверены в скорой победе. Новобранцы жаждали героических подвигов, сражений, медалей, орденов, значимых званий!

– Как бы война не закончилась раньше, чем мы на фронт приедем! – шутили в вагонах они.

Политики орали, что хотят быть вместе с народом и защищать отечество, вернуться на то место, на которое их поставил Всевышний.

– Наша культура может быть стёрта с лица земли! – в свою очередь орали представители интеллигенции. – Армия и нация в едином порыве сохранит её для последующих поколений!

Такая двигалась риторика.

«Я не знаю больше партий. Я знаю только немцев» – широко известный тезис кайзера Вильгельма II и другие патриотические высказывания приобретали волшебную силу и, как птицы, летали над воинственной молодёжью.

И чем закончилось? Полным поражением. Многочисленными смертями. Разрухой. Кризисом.

Плечи полковника распрямились. Спина вытянулась в струнку.

– Получите аванс!

Что прикажете делать после этого? Аванс принят. Инженер ушел.

Полковник задумчиво барабанил пальцами по столешнице. Приблизился официант.

– Вас к телефону.

Вот неожиданность! Фон Дальберг удивленно направился к аппарату в кабинку, расположенную между туалетами и кухней.

– Алло! Кто это?

– Добрый день! Я хотел бы поговорить с господином Крюгером!

– О чём?

– Это господин Крюгер? Я телефонирую по сугубо личному делу.

– Да, я Крюгер! Что вы хотите? Говорите.

– Это касается Сюзанны. Она сегодня не придёт домой, господин Крюгер. Она останется у своих хороших знакомых.

Сюзанна просит не беспокоится.

– Намерена ли Сюзанна через два дня поехать в Данциг?

– Планы не изменились. Друзья о ней позаботятся.

– Спокойной ночи, господин Доктор, – и фон Дальберг удовлетворенно повесил трубку.

Дела как никогда двигаются быстро и в нужном направлении.

Он рассчитался. Неторопливо прогуливался по улице. Ровно в восемь поднялся на второй этаж универмага, в отдел мужских тканей.

– Уважаемый господин, мы закрываемся через полчаса, – подбежал шустрый приказчик.

– Я успею посмотреть то, что мне требуется. Меня интересует английская ткань для костюма.

– Прошу вас сюда. Господин Функ, это к вам.

Приказчик тихо исчез.

– Прошу. Всё готово, – невзрачный мужчина отогнул занавес, и они прошли в небольшой закуток.

Функ неизвестно откуда вытащил пухлый конверт и передал фон Дальбергу.

– Прошу простить, но вынужден был обратиться к оперативному каналу. Сегодня Вернер неожиданно принёс документы по интересующему вас уголовному делу. Разговор с бывшим следователем я записал отдельно. Его расписку в получении денег я приложил сюда же. Он просил вернуть материалы в воскресенье.

– Отлично, Функ! А каково ваше личное мнение по тому делу?

– Уверен, что без Василевского и его компании дело не обошлось. Странно, что при аресте у него ничего их похищенного не нашли. Ни у него. Ни у его подельницы. Из документов уголовного дела следует, что прямых улик против Василевского не было. Орудие убийства – нож – мог кто угодно взять в привокзальном ресторане. То, что Василевский и танцовщица ехали в тот же вагоне и вышли раньше, чем был обнаружен труп, не является преступлением. Василевский ни в чем не сознался. После того как он был застрелен при попытке побега, производство по уголовному делу приостановили на неопределённое время. Дело пылится в архиве, танцовщица – в тюрьме и тоже ни в чем не призналась.

– И какой вы делаете вывод?

– Был ещё сообщник. Или убийца не Василевский.

– Интересная позиция. Поясните.

– Меня в этом деле, господин полковник, удивил следующий факт. Саквояж ювелира никто не видел. Родственники утверждают, что он выехал из дома с большим багажом. Но ни проводник, ни другие пассажиры вагона багажа не видели. Почему? Не заметить они не могли, ведь сумка была приметная, из дорогой кожи, с монограммой из золота и серебра. Эдакие красивые буквы. С выкрутасами, я бы сказал. Вот поэтому мне кажется, что саквояжа при убитом не было. Он мог передать его какому-то лицу следствию неиз-

вестному. Мог оставить в камере хранения вокзала. В таком случае кто-то должен был вещи из камеры хранения изъять. Мог взять тот, у кого был ключ от камеры хранения. Убийца? Мог взять служащий вокзала, чья обязанность проверять состояние камер. Как я понял эти направления следствие не рассматривало. С другой стороны, ювелир опытный человек, бриллианты он не мог оставить в саквояже без присмотра. Следовательно, драгоценности были у ювелира. А Василевский с подельницей, убив ювелира, почему-то их не взяли. Передали сообщнику, с которым после совершения убийства отношений не поддерживали? Почему они так поступили? Или убийца кто-то другой?

– Мне нравится ход ваших мыслей. Возможно, бриллианты забрал неизвестный ни нам, ни следствию человек. До убийства. Нам с вами придётся потрудиться над загадкой. Его светлость личность не бедная. Вознаграждение будет приличным. Если придётся поехать в другой город, вы сможете?

– Да. Сейчас не сезон в торговом деле. Я возьму отпуск на сколько потребуется. Но я хотел бы уточнить. Мне искать убийцу?

– Думаю, так поступать не следует. Наши действия направлены на поиск пропавших драгоценностей. Именно это желает его светлость, за это он и платит. Но, Функ, имейте в виду, расслабляться не следует. Человек, взявший бриллианты, очень опасен.

Функ машинально приложил руку к боку. Полковник сделал вид, что не заметил жеста.

– Формулирую вам следующее задание, – фон Дальберг протянул конверт. – Фотография. И некоторая сумма на текущие расходы. Напоминаю, все расходы фиксируйте: билеты, квитанции, расписки. Аристократы всегда проверяют бухгалтерию.

На фото изображен молодой мужчина. Внешность типичная.

– Вам предстоит установить этого человека в ближайшем окружении Василевского. Под каким именем он был известен, где проживал, чем занимался. Всё стандартно.

– Кто он?

– Вот это вам и предстоит узнать.

На том и расстались.

Фон Дальберг со спокойной душой направился домой. Тускло светили фонари. Воздух посвежел. Появилось на улице больше одиноких женщин.

«Нельзя. Нельзя доверять этим аристократам. Скользкие как угри. Вывернуться. Уверен, что в том деле не обошлось без Рудольфа фон Палленхаузена. И бриллианты, скорее всего, у него. Но как ему удалось проверить такое дельце? Как он сумел обвести вокруг пальца Василевского? Тот тоже из аристократов, из тех, которые разорились во время войны. А он после войны стал грабителем. Свидетелей своих преступлений не оставлял в живых. Неужели Василевский так

доверял фон Палленхаузену? Правильно ли то, что я передал агенту фотокарточку Палленхаузена?»

В таких размышлениях полковник добрался до дома, где, удобно устроившись в кабинете с сигарами и коньяком, стал внимательно изучать уголовное дело.

Бытовое убийство в купе поезда. Были публикации в газетах. Предположений и версий от репортёров хватило дня на два. Да и кому интересно, что зарезали ювелира поляка? Ну ограбили. Не первый и не последний. Следственные действия шли своим чередом. Определён круг подозреваемых. Некий Василевский и его сожительница, танцовщица какого-то притона, которую признали сообщницей. Их задержали. Краденого не нашли. Арестованные отпирались от всего. Неожиданно Василевский предпринял попытку побега и был убит. Сожительницу засадили в тюрьму и забыли о ней. Кому она нужна?

В деле присутствовали объяснения, заявления, протоколы, схемы, планы, фотокарточки. Ювелир Адам Михальчик прекрасным днём выехал из дома с багажом, в котором вёз исполненный заказ и значительное количество наличных денег для покупки золота, серебра и драгоценных камней. Багаж состоял из чемодана и саквояжа. Оба предмета сделаны на заказ ещё отцом ювелира. Для красоты и солидности на них навесили инициалы владельца, латинские буквы А и М. Буквы были очень изящные. Серебро и золото. Ювелир сел в поезд. На конечной остановке в купе был обнаружен его

труп. Складывалось впечатление, что в купе орудовал мясник: всё в кровавых пятнах. Орудие убийства – нож – валялся там же. На трупе не было одежды. Разодранная на длинные лоскуты она валялась на полу. Ювелир был истыкан ножом. Раны не смертельные, но множественные. Смерть наступила из-за потери крови. Не сразу. Так определил полицейский врач. Багажа в купе не нашли.

«Явно Михальчика пытали. Одежду разодрали, потому что искали бриллианты. Значит, драгоценностей и денег при нём не было. А где же они? Интересный вопрос! Да, дело велось из рук вон плохо. Понятно почему. Наплевать на этих поляков! Получается, что Михальчик опасался нападения и решил подстраховаться. Товар свой и деньги он отправил другим надёжным путём. Но по какой причине его светлости не вернули его фамильные драгоценности? И почему не были сделаны закупки ювелирных материалов? Фирма небольшая. Единственный владелец сам Михальчик. После убийства ювелира фирма оказалась в долгах, с которыми наследники очень долго расплачивались. Семья обеднела, но из своего дома никуда не выехала. Продолжали жить скромно. У подозреваемых Василевского и его подельницы ничего из пропавшего не нашли. Подельница, она же танцовщица, оказалась кокаинисткой. Нет сомнений, что ювелира резала она. По какой-то причине Василевский не мог её остановить. Отсутствовал в купе в тот момент? Всё возможно. Да, дело глупое. И чего неймётся его светлости? Бриллиантом больше,

бриллиантом меньше, на его финансовом состоянии это не отразилось. Нет! Подавай ему цацки! Ох, уж эти аристократы. Дрянные людишки по сути своей. Эх! Если бы не война. Да разве мог этот обормот подойти ко мне тогда?! Стоял бы передо мной согнувшись, как официант и о милости просил бы. А сейчас? Я на полусогнутых перед ним бегаю. А что делать? Деньги нужны.».

Радуюсь тишине и покою, отсутствию домашних, потягивая коньяк, так рассуждал фон Дальберг. И размышлял, куда исчезли драгоценности и деньги. Утром он проехал путь Михальчика от дома до вокзала, понимая, что прошло много времени, и надеясь заметить что-то, что ускользнуло от полиции тогда. Ничего. Полковник помнил это место до войны. Модный ресторан. Рядом магазины французской одежды и парфюмерии, испанских вин, ювелирных изделий. Сейчас же вокзал и площадь серые, безликие, захламлённые. Людей мало. Поездов ещё меньше. Вдруг мелькнуло знакомое лицо.

– Господин Гаук! Неожиданно вас увидеть здесь! Рад приветствовать! Как ваши дела?

– О! На самом деле какая неожиданность! Добрый день, господин Дальберг. А я от кого-то слышал, что вас на русском фронте убили. Стало быть, долго проживёте. А я здесь служу. После ранения отправили на пенсию. И сюда. А вы как?

– И я после фронта демобилизован. По возрасту. Пенсия небольшая. Поэтому вновь на службе. Но в этот раз в интен-

дантах, по хозяйственной части. Пройдёмте, пропустим по стаканчику. За мой счёт.

Фон Дальберг развернулся было к ресторану, но Гаук его остановил.

– Пойдёмте в пивную, там приличнее, чем в ресторане. И цены подходящие. Да. Всё изменилось.

Сделали заказ.

– Давно ли вы служите при железной дороге, господин Гаук?

– Не совсем при железной дороге. Я возглавляю отдел полиции несколько лет.

– Вот как! В отдел на службу принимали чуть ли не аристократов, или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Так и было. Только до добра не довело. Тёмное дело на этом участке приключилось!

– Давайте-ка ещё по рюмочке! Любезный, повторите. И принесите нам по порции белых колбасок с горчицей.

Блюда и выпивку принесли. Мужчины выпили. Закусили.

– Так что за тёмное дело?

– Пассажира убили и багаж пропал, – прошептал Гаук. Глаза его забегали лево-право, лево-право. Он замолчал. Небольшая пауза.

– Преступника не нашли, говорят. Но ещё говорят, что исчезли один из сотрудников полицейского управления и бухгалтер из управления железной дороги. В тот вечер, когда пассажира убили. Мне рассказал буфетчик, он давно рабо-

тает при вокзале.

– Да таинственные дела творятся! А кто же дело расследовал? Остался ли кто из прежних сотрудников?

– Не знаю. Война многих прибрала. Когда меня на должность назначили, не смог большую часть документации найти. А вы к тому делу какое-то отношение имеете или просто интерес?

– Муж сестры знакомой моей жены заинтересован. На том деле он деньги потерял. Сделал вложение в ювелирное дело, и потерял всё. И, какая удача, я вас увидел. Мой родственник готов платить за информацию о деле. Может, вы узнаете у буфетчика поболее? Ныне трудные времена, и мы должны помогать друг другу и поддерживать друг друга. Мы поможем вам материально. Между нами, конечно, – полковник понизил голос, хотя в пивной посетителей мало, и вряд ли кто из присутствующих интересовался двумя немолодыми скромно одетыми мужчинами.

– Я вас понял. Узнаю. Как с вами связаться?

– Вот мой номер телефона для экстренной связи. – фон Дальберг вырвал лист из блокнота. – Через недельку зайду к вам, уважаемый господин Гаук. Ближайшее время я, можно сказать, холостяк. Жена в деревне у родственников. Зайду, и мы с вами славно пообедаем. Как в старые добрые времена! А сейчас я пойду совершат моцион далее. До встречи. Если что – телефонируйте.

Полковник расплатился, вышел, возвращался домой до-

вольным.

Свежеиспеченный начальник управления полиции на железной дороге Гаук доел колбаски, заказал себе пива и задумался как разделить имеющуюся у него информацию на две части, чтобы получить от Дальберга два платежа и не вызвать подозрений.

– Как же! Знаю я ваших мужей сестёр подруги жены! Сам, старый пройдоха, занялся частным розыском. Ну и пусть. Главное, с него деньги вытребовать.

Гаук закончил с едой, корочкой хлеба собрал подливку с тарелки и съел этот кусочек, вытер рот и пальцы салфеткой, довольный пошел к месту службы добывать нужный сведения.

Тем временем. Молодой инженер Мюллер, получивший такую странную работу, дисциплинировано направился в Тибет. Путь туда оказался вполне цивильным, хотя и занял значительное время. Поиски отряда геологов, в котором пребывал Рудольф времени заняли ещё больше.

Германский разведчик Рудольф фон Палленхаузен находился в Тибете по документам британского инженера-естествоиспытателя Джона Смита.

Своё нежелание возвращаться другу детства он пояснил очень просто. Ещё не всё разведал. На самом деле карты и отчеты для департамента разведки подготовлены, сложены в тайнике. Здесь, в окрестностях Лхасы, кое-что удерживало его. И это кое-что совсем не связано с непосредственной

деятельностью, а интересно лично ему: сокровища древнего рода индийских магараджей. Ходило множество слухов о том, кто и где спрятал клад.

– А артефакт, из-за которого меня к тебе в помощь отправили?

– Он будет. Но в последнюю минуту. Нет смысла получить его заранее. Хранить негде. Все тайники ненадёжны.

В один из вечеров, подбрасывая последний хворост в костёр, Рудольф тихо спросил:

– Ты помнишь, как в ранней юности я увлёкся дальними странами? Наслушался тогда разных историй от друга моего отца. Уве Нимайер. Помнишь его? Лётчик и путешественник.

– Такой невысокий? Разрешал нам участвовать в починке его авто? Помню. Как же! И даже помню его рассказы о таинственной стране Магриб, в которой жили колдуны. – И Альберт расхохотался. – Надо же! Как мы, дети, были доверчивы!

– Тише ты! – Руди помолчал, прислушался. – Не так всё просто, друг мой! Существуют и волшебные страны. И колдуны.

Он немного помолчал. Продолжил:

– В университете я увлёкся древней Индией. Особенно периодом царства Магадха. Какими тайными знаниями они располагали! Правители царства могли одним мысленным желанием переместить гору. Или самому переместить-

ся в пространстве или времени. Какими богатствами владели правители! Рубины, кристаллы которых свисали с веток деревьев как фрукты! Алмазы размером с перепелиные яйца! Для того чтобы найти их не надо было осваивать шахты и кимберлитовые трубки. Они лежали просто под ногами. Ты можешь представить такое, Альберт? Идёшь с корзиночкой и собираешь, как грибы или ягоды.

Они помолчали. Каждый подумал о своём.

Альберт вспомнил деда, деревенский родительский дом, плетистые розы, девочку, которая очень нравилась.

Перед глазами Рудольфа стояла ветшающая усадьба, покрывающиеся ржавчиной коллекция старинного оружия, а плесенью фамильные портреты. Без корзиночки рубинов и алмазов вряд ли можно привести семейное имущество в порядок. Придать ему прежний блеск!

– Знаешь, в 1913 перед Рождеством в одной французской газетке мне попалась заметка. Рассказывали, что одна важная парижская дама пребывала в Опере на премьере...

Рудольф говорил, говорил. У Альберта перед глазами стали появляться картины из детства. Вот они вместе ловят форель. И рыбины сверкают как серебро. Почему-то вспомнился один мальчик, имя которого он уже не помнил. Мальчик рассказывал завлекательную историю об одноглазом местном священнике. Якобы у священника был левый глаз искусственный. Однажды, перед службой мальчик обратил внимание, что неживой глаз не левый, а правый.

– Вы умеете менять свои глаза? – с удивлением спросил ребёнок.

– Да! – Весело ответил священник. После чего он вытащил оба глаза из глазниц, стал ими жонглировать, а потом вставил обратно. И стеклянный глаз снова стал левым, а живой правым. Мальчик рассказывал эту историю неоднократно и всегда с успехом. Потому что в местной кирхе действительно был священник со стеклянным глазом. Вот что их интересовало, а не какие-то камни, даже драгоценные. Как меняется мир! Как меняются люди!

– Ты слушаешь меня?

Альберт открыл глаза.

– Да.

А Рудольф продолжал:

– В театр она явилась как наряженная рождественская ёлка. В одну из подвесок был вставлен бриллиант «Полярная звезда». Один из самых крупных камней, известных в мире. Когда дама возвратилась домой бриллиант отсутствовал. Лапки разжались, и камень выскочил из оправы. Камня не нашли.

К ним подошел один из местных и положил рядом новую вязанку хвороста. Альберт снова стал впадать в дрему. А друг детства всё бубнил.

– В давние времена несколько крупных алмазов были найдены в Индии. Один из них после огранки получил имя «Полярная звезда», остальные исчезли. Древние индусы счита-

ли, что камни такого уровня сами выбирают хозяев и открываются только тому, кто их достоин.

Они помолчали ещё.

– К чему этот рассказ?

– Друг мой! Алмазы, найденные в Индии в древние времена, были безо всякого права присвоены британцами. А в мире должно быть равновесие.

– Подожди! А как камень попал во Францию?

– Просто! Британское правительство расплатилось им с одним крупным французским чиновником за одну очень интересную информацию. Камень потерян. До сих пор камень не найден.

– Потерян ли? Возможно, им также воспользовались и заплатили ещё кому-нибудь?

Некоторое время длилось молчание.

– К сожалению, утерянные знания силы найти невозможно. А вот спрятанные сокровища... Я почти вызнал, где часть из них. И я вернусь только добыв их.

– Поэтому ты иногда исчезаешь из лагеря? Ты ищешь камни?

– Не только камни. Там должно быть и много золота.

– А как же отчеты? Их ждут.

– Если не найду клад в ближайшее время, останусь здесь ещё. А отчеты и ещё кое-что вывезешь ты. Доберёшься с британцами до Европы, а там от них отстанешь, – и домой.

А неделю спустя, исследуя пещеру, они наткнулись на зо-

лотую жилу.

Эту находку Альберт Мюллер счёл главным делом своей жизни.

Рудольф Палленхаузен пришел в восторг, посчитав находку источником собственного обогащения. Не сейчас. Позже. Когда служебное задание будет окончено.

Местный бурят-проводник Доржо, приведший европейцев в пещеру, явно был недоволен. Он что-то говорил Палленхаузену на своём кошачье-птичьем языке, поводил руками.

Как показалось Мюллеру, проводник нахмурился, а руки его с татуировками превратились в змей, которые не шипели, но угрожающе покачивали головами и двигались в сторону европейцев. Альберт потряс головой, видение ушло.

«Надо же! Какая иллюзия! И глаза у этого туземца как у змей,» – подумал он, – «странный у Рудольфа проводник! Что их связывает?»

На этот вопрос ответ так и не нашелся.

– Что он говорит? – Спросил Мюллер.

– Ерунда! Решил, что это пещера умерших и отсюда ничего нельзя брать. Нельзя никому рассказывать о ней. Он так всегда говорит. Я не вижу никаких указаний, что это так!

– Что ты имеешь в виду?

– Надписи, изображения... Ничего такого.

– А змеи здесь при чём?

– Ты видел змей? – Палленхаузен напрягся.

– Нет, не видел. Привиделось.

– Очень давно во славу змеям делались жертвоприношения, в Берти числе и человеческие. Считалось, что в змей перевоплощаются боги. И их надо задобрить.

Жила нанесена на карту. Карта аккуратно уложена в планшет. Найдены три самородка и взяты с собой. Мюллер и Палленхаузен находились в эйфории. Доржо предложил отвести их к месту погребения какого-то местного старика, которое должно произойти в этот день.

– Думаю, надо пойти. У буддистов сейчас особые дни. В буддистский храм на днях снизошел их живой бог. Но умер. Все знаковые события: рождение, заключение брака, погребение, будут проводиться по древним ритуалам.

– Откуда Доржо знает?

– Он там был, в храме и всё видел собственными глазами и слышал собственными ушами. По крайней мере, он так говорит!

Они пришли на нужное место раньше, затаились в расщелине. Оттуда два европейца и проводник наблюдали за происходящим.

Сначала пришли какие-то люди. Верхняя одежда, походившая на халаты, была не нова. Но ткани, из которых она сшита, добротная, и это видно издали. Люди принесли нечто, завернутое в мешковину, и это нечто поместили наверху небольшой плоской скалы. На мешковине нанесены какие-то полосы, некоторые длиннее, некоторые короче. Похожие

полосы были вытатуированы на щеках их проводника.

– Санскрит! – Прошептал Рудольф.

У Мюллера сложилось мнение, что его друг смог прочесть надписи.

Бурят-проводник Доржо тихо бормотал. То ли молитва, то ли заклинание.

– Это тело умершего, там наверху. А эти – родственники. – Разъяснил Палленхаузен.

Церемония была жуткая, по крайней мере так её воспринял Мюллер.

Откуда-то из скал с завываниями появились существа облика ночного кошмара. На головы натянуты маски, вызывающие ужас. На телах – балахоны, пугающие лицезревших формой и расцветок. То были тибетские маги, в обязанность которых входило сопроводить покойного в лучший из миров. Так позже пояснил проводник.

У некоторых в руках были бубны, у других инструменты похожие на флейты.

– Знаешь, из чего сделаны музыкальные инструменты? – Тихо спросил Рудольф. В голосе его прозвучало что-то странное.

– Нет. А разве они отличаются от обычных?

– На бубнах натянута человеческая кожа. А флейты выточены из человеческих костей.

Мюллер почувствовал, как у него закружилась голова. К горлу подкатила тошнота.

Появился ещё один маг в маске, изображающей уродливое человеческое лицо. В его руках был топор.

Какофония звуков обрушилась на присутствующих. Когда звуки стали совсем невыносимыми, страшилище с топором залез на вершину скалы и стал расчленять тело. Родственники завyli, попадали ниц. Маги стали выкрикивать что-то.

К скале стали слетаться грифы. Вот одна из птиц подхватила кусок плоти. Другая. Остальные, раскормленные, не проявили особого интереса. Грифы покружили над скалой. Улетев чуть дальше, приземлились и стали важно расхаживать, не обращая никакого внимания ни на людей и шум, который люди производили, ни на погребальный дар, преподнесенный им. Родственники причитали. Маги голосили. Была сложена пирамидка из камней. К ней родственники положили какие-то мешочки. Удалялись они странно. Поднимались на колени и падали вперёд, подползали к месту, которого локти коснулись, падали снова, подползали и падали. Всё это заняло значительное время. У скалы опять появились маги. Снова они завyli, делая странные телодвижения. Один из них явно стал разводить костёр.

Мюллер впервые наблюдал ритуал погребения.

– Я не понял, зачем ты нас сюда привёл? – Обратился Мюллер к проводнику, забыв, что тот не говорит ни на одном из языков, кроме местного.

Проводник и Палленхаузен переглянулись.

В какое-то мгновение Мюллеру показалось, что глаза Доржо по-рысьи сверкнули.

«А так ли он не понимает европейских языков?» – мысль мелькнула и мгновенно исчезла.

– Разве тебе не интересно наблюдать один из самых древних на Земле ритуалов? – Таков ответ Палленхаузена. Он понизил голос. – Послушай меня внимательно! Они здесь надолго. Будут курить волшебную траву хом. Когда, сделав молитвенный круг, вернутся родственники, маги расскажут, как задобрить богов.

– Что ты намерен делать?

– Как мы увидели, покойник не смог уйти в свой буддистский рай. Видел, грифы отказались от приношения? А это значит, родственники умершего должны принести магам дары, чтобы старик все-таки оказался там, где надо.

Эта семья – потомки одного из индийских магараджей, одного из самых богатых в своё время. Они – Маурьи. Семья до сих пор располагает уникальными драгоценностями. Они давно скрываются здесь. И сокровища скрывают. Полагаю, что часть принесено сюда. Думаю, мы смело можем их забрать, когда все разойдутся. Но надо подстраховаться. Предлагаю тебе пойти в лагерь, взять оружие и вернуться. Мы будем ждать. Чтобы тебя не заметили, иди через нашу пещеру.

«Как будто могилу грабим», размышлял Альберт.

И пошел. В лагерь добрался к вечеру. Он ни слова не сказал о найденной золотой жиле. Не сказал и о погребении

наследника магараджи. Перекусил слегка. Отдохнул. Взял винтовку, патроны, и вернулся в условленное место ранним утром. И никого там не обнаружил.

Глава 3. Наше время. Калининград

– Кровь! Это кровь! – Глазки Элеоноры Тимофеевны закатились. И она с глухим стуком упала на ступени. Дама была не худенькая, более всего походила на копну, и, упав, заняла собой почти всю лестницу. Тр-р-р-р-р! Юбка зацепилась за гвоздь и слегка порвалась. Из хозяйственной сумки с шелестом выскальзывали какие-то пакеты, пакетики и кульки. А с потолка слегка посыпалась побелка.

Василия Чижикова от неминуемой травмы спасла отменная реакция. Успел отскочить в сторону, и упавшая лишь слегка задела его ногой. Другая дамская нога коснулась красного пятна на полу.

– А-а-а-а! – завопила валяющаяся и вновь закатила глазки.

Предусмотрительно оставшиеся наверху лестницы две другие тетки с криками и космическими скоростями бросились наутёк.

– Помогите! Помогите! – Верещали они на два голоса. Но, оказавшись на детской площадке, неожиданно успокоились и уселись на лавочку.

– Макаровна, – спросила одна, – а ты труп-то видела?

– Нет!

– А где же он?

С недоумением они посмотрели друг на друга.

– Слышь, Матрёна, – Макаровна пихнула товарку острым локотком и с ехидством заявила, – а Элька-то на бобах осталась!

– Как так?

– Она Семёна окрутить хотела. В прошлые выходные была я у кумы, она по соседству с Элеонорой живёт. Вижу гуляет эта по садику, гуляет, да на улицу выглядывает. А тут – глядь! Семён идёт. Откуда идёт не знаю. А эта к калитке подходит и так любезно ему, мол, заходи ко мне, чайку выпьем. А он ей, не могу, мол, занят. А она ему, пиво у меня попьем с угрём копченым. И пальчиком его манит.

– А он что?

– Ясно, что! Разве мужик против пива устоит? Так и пошел к ней пиво пить.

– Что делает баба! Совсем осмелела! – Неожиданно Матрёна захихикала. – Куда ж ей мужика, если сама-то всё по аптекам бегает: без успокоительных капель и дня прожить не может?

Теперь хихикали обе. Далее они немного посудачили ещё на тему женской свободы и пошли со двора.

В подвале часовщик Горелик, маленький, с густыми бровями пытался включить фонарик. Тот загораться не желал.

– Дама! Что вы тут улеглись! Не делайте нам нервы! – сверкнул он глазами. – Не мешайте офицеру следователю смотреть на окрестности! Умоляю!

И через несколько секунд:

– А труп-то и нет! Напрасная тревога.

Василий Чижигов не был следователем. Простой опер. Стоял он в мрачноватом повальном помещении, пытаясь прикрыться служебной папкой от падающей с потолка какой-то дряни.

– Не обращайтесь внимания, – показал Горелик вверх, – ремонт там хозяева делают. И штукатурка старая падает, и побелка сыпется. А то и вода откуда-то капает. В моей клетушке то же самое.

Часовщик Горелик арендовал другое маленькое помещение в том же подвале.

– Гражданка Кавалеридзе, почему вы заявили, что в подвальном помещении по указанному адресу находится труп сапожника Литвака Семёна Иосифовича?

Элеонора Тимофеевна моментально пришла в себя, поднимаясь со ступеней, проскрипела:

– А как же! Зашла к нему по делу, а из двери такая вонь! Точно, труп! А в замочную скважину не видно и в окно-то не разглядеть.

– А по какому делу вы хотели видеть Литвака?

– По личному!

Кавалеридзе не хотелось рассказывать, что пришла она забрать старые семейные фотоальбомы. Она на свой страх и риск выпросила их у одной своей знакомой, сын которой занимался раскопами. В свободное от основной работы вре-

мя. Сыновнее хобби приносило неплохой доход, что знакомая смогла стать единственной владелицей старинной виллы в курортном городе. Виллу отреставрировали. Восстановили оригинальный камин. И он даже работал!

Литвак имел подобное хобби. То есть он копал. И тоже в свободное время.

С одной стороны, Элеоноре Тимофеевне хотелось, чтобы Семён наконец-то обратил на неё более пристальное внимание и сделал ей брачное предложение. С другой – поправить материальное положение. И решение ей виделось одно. Быть полезной Литваку в поисках антикварных вещей. Упросила знакомую одолжить старые немецкие альбомы. А уж Семён сможет найти в них полезную для себя информацию.

Один раз она передала старую исчерканную немецкую топографическую карту, найденную в вещах покойного мужа.

Литвак нашел старинные каминные часы. Основание у них было деревянным с инкрустацией из янтаря оттенков от темного меда до почти белого. Часы не имели одной стрелки. Да и механизм был поврежден основательно. Эту находку Семён оставил себе и поставил в мастерской. Для красоты, так он объяснил.

Элеоноре Тимофеевне он передал небольшой медальон. Последний был сильно запачкан чем-то, то ли ржавчиной, то ли каким-то гнильём, выглядел крайне непривлекательно, цепочки к нему не было, но петелька для цепи или шнура имела неповреждённой. Не смотря на непривлекательный

вид старинной штучки, Элеонора Тимофеевна дару была рада.

«Как изящно Семён положил начало наших отношений. Так романтично, так тепло!» – думала Кавалеридзе. Спросить, что ещё было в найденном тайнике, она застеснялась. Да и отвлеклась на свои незначительные проблемы: требовалось почистить медальон. В ювелирных мастерских её смущали немалые цены. Решила по старинке, как в родное советское время. Что там у нас? Мел? Сода? Но тут включился здравый смысл. Вдруг вещица очень ценная? Как бы не повредить. Наступив решительно на жабу, она купила специальное средство для чистки домашнего серебра. Долго изучала инструкцию. С помощью косметических палочек и дисков, вздохнув и задержав дыхание, приступила. И через пару минут остановилась, потому что одна из сторон оказалась не металлом, а эмалью. Особо не раздумывая, Элеонора Тимофеевна положила вещицу в тёплую мыльную воду. И стала ждать. Медальон не стал сопротивляться. Эмаль очистилась. Объявился рисунок, яркий, привлекательный. Незнакомые цветы, листья, стебли. По краям тончайшая филигрань. Под грязью обнаружился замочек, и медальон открылся. Внутри оказалась какая-то труха. Элеонора безжалостно всё вытряхнула, а освободившееся пространство продезинфицировала водкой. В её палехской шкатулке нашлась подходящая серебряная цепочка.

– Миленький кулон, – рассказывала и показывала Элео-

нора Тимофеевна товарками и соседям, – мужчина подарил. Ухаживает. Имеет серьёзные намерения.

И носила с удовольствием.

Товарки и соседи кивали головами и расспрашивали, а чем занят этот мужчина, каково его благосостояние, есть ли родственники?

– Он пенсию получает, и подрабатывает, конечно. Самостоятельный, – с удовольствием рассказывала Элеонора, – и жильё он имеет. Правда, комната в коммуналке. Но в центре. И дом хороший, старый, немецкий. Мы можем съехаться, а комнату сдадим. Он такой одинокий! – при этих словах романтически закатывала глазки.

И надо же случиться такому, что альбом потребовалось срочно вернуть. Она успела забежать к Литваку домой, но там его не застала. Прибежала в мастерскую – и тут нет. При сложившихся обстоятельствах она заволновалась. Не дай-то Господь что-то с ним произошло. Копателей много. Не поделили что-нибудь. Или ещё хуже что!

Но разве признаешься полицейскому, что сапожник на самом деле копатель?

Глядя на выражение лица Кавалеридзе, Чижиков понял, что не желает она при свидетеле рассказывать о причине, по которой пришла к сапожнику.

– Почему вы называете отсутствующего антикваром?

– А кто ж он ещё! К нему всегда такие личности ходили и всё ближе к ночи! Специально, чтобы никто не заметил.

Часы у одного, я видела, на руке дорогие. Руку повернул – как сверкнуло! Неделю назад один такой в пиджаке кожаном пришел. Уже темно было. А я пошла мусор выносить. Смотрю: выходит, а в подвале свет горит, значит бизнесмен наш ещё на месте был. Конечно антиквар, кто ж ещё?

– Как вы странно мусор вечерами выносите! Помойка-то в другой стороне от вашего дома. – Снова встрял часовщик.

– Не ваше дело куда я с мусором хожу. А мне, может, прогуливаться нравится по вечерам. Так и в программе «Здоровье» по телевизору предлагают. Чтобы сон крепче был! Телевизор вы, что ли не смотрите?

«Действительно, странно. С той стороны и окошка подвального не видно», – подумал полицейский, но вслух ничего не сказал.

Кавалеридзе продолжала:

– Некоторые на машине подъедут. Придут, а с пакетами выходят. Конечно, антиквариат покупали и выносили. Жульё!

– Послушайте, мадам! Семён Иосифович был сапожником! А иногда летом садился с гуталином, щетками в кибитку у перекрёстка и чистил обувь! Недорого, к тому же! – Вновь говорит часовщик.

– Вы когда видели сапожника последний раз? – спросил полицейский часовщика.

– Примерно, неделю не видел. И не слышал. Через стенку. И не слышал, чтобы он по лестнице спускался или под-

нимался. Лестница у нас громкая.

Вошедшие находились в небольшом помещении, темном, разделенном прилавком-бортиком на неравные части. Меньшая для посетителей. В большей размещался сапожник со всеми бебехами, необходимыми для работы. Маломощная потолочная лампа придавала помещению вид крайне таинственный. У одной стены светлел старенький холодильник "Минск". Наверно, это агрегат можно было определить самым роскошным предметом в камерке. Хотя... В самом дальнем углу – старинные часы. Небольшие. С деревянным основанием, отделанном янтарными пластинами. Перламутровым циферблатом. Не работающие. Без часовой стрелки. С трещиной на корпусе. Часы Василию очень понравились.

"Немецкие," – в этом Василий был уверен. Насмотрелся на подобные вещи в старых домах.

В помещении имелось окошко, под самым потолком. И выходило оно в переулок, а не во двор.

"Ни света, ни воздуха," – подумал Чижигов."

Холодильник выключен, дверца приоткрыта. И неприятный запах оттуда. Чижигов подошел ближе и увидел на полке кусок позеленевшей колбасы.

Перед холодильником образовалась лужа. Размораживать взялся хозяин, да что-то отвлекло. Яркое красное пятно на полу – кетчуп из опрокинутого пакета.

– Понятые, смотрите сюда: вот колбаса протухшая, вот кетчуп пролитый. Источник запаха и основа «кровавой» лу-

жи. Никаких трупов нет. Сейчас протокол составим.

Полицейский оглянулся и увидел, что понятые таинственным образом исчезли.

– Они испугались и убежали, – вежливо пояснил часовщик, – давайте, я пойду, поищу...

– Нет. Оставайтесь здесь. Сейчас составлю протокол, подпишете и пойдёте.

Часовщик завопил:

– Ой-ой! У меня же бизнес! Так и вижу, как каждую минуту моя прибыль испаряется!

– Куда это, интересно, испаряется? – Кавалеридзе решительно выставила вперёд нижнюю челюсть. Маленький кусочек потолочной дряни попал на её плечо и лежал, изображая эполет. – Что-то я очереди перед вашей дверью не вижу! Или уже привидений здешних обслуживаете?

– Тьфу на вас! Не каркайте! – пискнул часовщик.

Сверху раздался удар. Потолок чуть дрогнул. Мелкая штукатурка слегка припудрила присутствующих.

Полицейский отряхнулся.

– Я, может, тоже сегодня занята. А стою здесь спокойно, выполняю свой гражданский долг. А вы как гражданские долги выполняете? Отлыниваете, небось?!

– Да тьфу на вас! Вот привязалась! Злыдня!!!

Тем временем, Чижиков составил необходимые бумаги.

– Граждане! По очерёдности прочитайте и распишитесь. Если есть замечания, имеете дополнения, то можете указать.

Оказавшиеся в качестве понятых, Кавалеридзе и Горелик несколько утомонились.

– А теперь, гражданка Кавалеридзе, будьте любезны пройти в отдел, объяснение давать будете за ложный вызов! Кто теперь слесаря оплачивать будет? Вы что ль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.